

З. В. УДАЛЬЦОВА

**ПОЛИТИКА ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ПРИ ЮСТИНИАНЕ**

Выяснение роли рабовладельческого государства в эпоху перехода от античного общества к феодальному является одной из важных задач советской исторической науки.

И. В. Сталин учит нас, что „надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой“.¹ Такой величайшей активной силой, всемерно способствовавшей укреплению и сохранению своего рабовладельческого базиса, являлось и рабовладельческое государство.

Особенно возросла „охранительная“ роль рабовладельческого государства в эпоху кризиса рабовладельческой системы, в эпоху широкого революционного движения угнетенных масс, сочетавшегося с вторжением соседних племен и народов.

Одно из основных положений марксистско-ленинского учения о государстве гласит, что „государство есть машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников“.² Эти замечательные слова И. В. Сталина являются путеводной нитью при изучении политики рабовладельческого государства в эту бурную эпоху. Основной задачей рабовладельческого государства, судорожно стремившегося сохранить рабовладельческий строй, являлась беспощадная борьба с народными движениями, которые, сочетаясь с вторжением различных племен и народов, подрывали и расшатывали основы этого строя.

Именно такую, по существу глубоко реакционную задачу и поставило перед собой правительство Восточной Римской империи в правление императора Юстиниана. Консолидация всех сил господствующего класса Восточной Римской империи перед угрозой народных восстаний и вторжений извне дала возможность рабовладельческому государству в середине VI в. временно перейти в наступление против своих „классовых противников“. В ход были пущены различные средства — от прямого насилия до демагогических уступок народным массам. Цель всех этих мероприятий была одна: сохранение любым способом своего классового господства, т. е. господства класса рабовладельцев в целом.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, М., Госполитиздат, 1950, стр. 7.

² И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 114.

У кормила правления могли сменять друг друга различные группировки господствующего класса; они могли вести между собою ожесточенную борьбу за власть, но основными функциями государства попрежнему оставались: „внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств“.¹

И. В. Сталин учит, что „если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка“.²

Надстройка в своем развитии и изменении несколько отстает от развития и изменения базиса. Надстройка старого общества еще продолжает жить в тот период, когда уже произошли значительные изменения в старом базисе. Более того, она активно способствует сохранению своего старого базиса. Лишь социальная революция, уничтожающая отжившие производственные отношения, ликвидирует и старую надстройку. Уже после социального переворота, как подчеркивает Маркс, „с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке“.³ Особенно большой преградой на пути развития нового общества, на пути революционной ликвидации отживших производственных отношений является старое государство с его аппаратом принуждения и, прежде всего, — с его армией. Как указывал Энгельс, „в политике только две силы имеют решающее значение: организованная сила государства, армия; и неорганизованная, стихийная сила народных масс“.⁴

В эпоху перехода от рабовладельческой формации к феодальной сильным тормозом прогрессивного развития общества было старое рабовладельческое государство. Несмотря на разложение рабовладельческого способа производства и зарождение внутри него уже в значительных масштабах элементов феодального строя, государство Восточной Римской империи в VI в. оставалось по своей сущности рабовладельческим; проводя свою политику в интересах господствующего класса, оно стремилось сохранить рабовладельческое общество. Потребовалось еще почти столетие упорной и ожесточенной борьбы угнетенных масс империи и новые грозные вторжения соседних народов, в первую очередь славян, для того чтобы были окончательно подорваны основы рабовладельческого способа производства, а вместе с тем изменился и характер надстройки, в том числе и государства.

Правление Юстиниана было временем последнего напряжения всех сил рабовладельческого государства в борьбе за сохранение рабовладельческого строя. Вместе с тем оно было временем, когда в недрах рабовладельческого строя все интенсивнее росли и крепились зародыши новой феодальной формации, формировались элементы будущей феодальной собственности на землю, являющейся, как подчеркнул И. В. Сталин в своем гениальном труде „Экономические проблемы социализма в СССР“, — „основой феодализма“.⁵

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, М., 1952, изд. 11-е, стр. 644.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 6.

³ К. Маркс. Критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 7.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 475—476.

⁵ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

В этот период государство Восточной Римской империи являлось тормозом прогрессивного развития общества не только на Востоке, но и на Западе. Столь прославленные буржуазной историографией войны Юстиниана на Западе, против королевств вандалов, аланов и готов во многом являются проявлением той же политики „подавления классового противника“, ибо эти королевства возникли в результате огромного подъема волны народных движений в империи и при активной поддержке угнетенных классов. Больше того, завоевание территории империи соседними племенами и народами, в сочетании с восстаниями рабов и колонов, способствовало разрушению рабовладельческого строя, развитию новых феодальных отношений. Поэтому одной из задач рабовладельческого государства, пытавшегося еще спасти и укрепить свой разлагающийся базис, являлось разрушение этих „варварских“ королевств.

Войны Юстиниана на Западе носили ярко выраженный реакционный, реставраторский характер.

Это особенно наглядно проявляется в политике, осуществлявшейся Юстинианом в западных провинциях, захваченных византийскими войсками и, в первую очередь, — в политике по отношению к народным массам завоеванных областей.

В свете труда И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ первостепенное значение имеет также вопрос об изменении статуса и характера собственности на землю в завоеванных провинциях.

Для конкретного уяснения целей и характера политики византийского правительства в Северной Африке необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать социально-экономические и политические последствия вандальского завоевания африканских областей.

Завоевание в 30-х годах V в. Северной Африки вандалами и аланами, сочетавшееся с широким революционным движением в этой провинции,¹ привело к значительным переменам в аграрном строе северо-африканских областей.

Непосредственно после завоевания вандалы захватили земли фиска, церкви и крупных римских землевладельцев. Сведения о конфискации земель, проводившейся вандалами, содержатся в изданном Юстинианом в 534 г. законе, регулирующем устройство вновь завоеванной провинции,² а также в двух новеллах 535 г.³ В первой из этих новелл речь идет, главным образом, о захвате вандалами земель у крупных землевладельцев, во второй — у африканской „ортодоксальной“ церкви.⁴ В законе 534 г. оттеняется то обстоятельство, что „гонениям“ при вандалах подвергались „знатные“, „свободнорожденные“ мужи, подчиняемые „тяжкому игу варваров“,⁵ а также представители „ортодоксального“ духовенства.⁶ Завоеватели захватили имущества и имущество знати.

¹ А. Д. Дмитриев. Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением варваров. Докт. диссертация. Автореферат, Л., 1950, стр. 17—18; Н. А. Машикин. Движение агонистиков. „Историк-марксист“, 1935, № 1; Е го же. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке. „Вестник древней истории“ (ВДИ), 1949, № 4.

² Codex Justiniani, I, 27.1. Ввиду крайней скудости источников, современных вандальскому завоеванию, приходится пользоваться источниками несколько более позднего времени.

³ Novellae Justiniani. (Nov.) XXXVI и XXXVII, ed. E. Ossenbrüggen, Lipsiae, 1872.

⁴ Nov. XXXVII (О землях, отнятых у церкви во времена тирана).

⁵ Cod. Just., I, 27, praef.: corpora vero, liberis natalibus clara, iugo barbarico durissime subiugabant.

⁶ Там же, также Nov. XXXVII.

Конфискация земель была проведена в больших масштабах и при этом — не только у римской аристократии: Прокопий сообщает о конфискации земель у знатных ливийцев — не-римлян.¹ „У прочих ливийцев, — пишет Прокопий, — он (Гензерих. — З. У.) отнял их имения, которые были очень большими и богатыми, и распределил их между племенем вандалов, и поэтому эти земли с того времени и до сих пор называются наделами вандалов (κλήρος βανδύλων).“²

Большая часть лучших земель фиска, церкви и крупных землевладельцев была захвачена вандалскими королями и окружавшей их вандало-аланской знатью. Остальные конфискованные земли были розданы рядовым вандалским войнам, которых, по данным Прокопия, насчитывалось до 50 тысяч. За несение военной службы воины получали земельные наделы с правом передавать их по наследству.³ Все эти земли были освобождены от налогов.⁴

Часть наименее плодородных земель была оставлена прежним владельцам. По словам Прокопия, „ту же землю, которая показалась ему (Гензериху. — З. У.) не очень хорошей, он оставил прежним ее владельцам, назначив вносить с нее в пользу государства такие налоги, что получившим свои собственные земли ничего не оставалось“.⁵

Таким образом, важнейшим результатом вандалского завоевания и революционного движения, развернувшегося в Африке в 20-х—30-х годах V в., явилось перераспределение земельной собственности в массовом масштабе. Тем самым был нанесен тяжелый удар крупному римскому землевладению. Правда, крупное землевладение, как таковое, не было уничтожено, ибо вандалские короли и вандало-аланская знать захватили лучшие земли и сами сосредоточили в своих руках большие земельные владения, однако важнейшим последствием завоевания было то, что значительно увеличился удельный вес свободного крестьянского землевладения: часть земель римских поссессоров перешла к свободным „варварам“ (на правах аллодиального владения), а, быть может, какая-то часть — и в руки освободившихся колонов и рабов. Лишь незначительная доля и при том — худших земель оставалась у прежних владельцев.

Особенно важные изменения произошли в связи с вандало-аланским завоеванием и революционными событиями начала V в. в положении непосредственных производителей африканской провинции. Источники содержат весьма ценные данные об освобождении колонов, рабов и других категорий зависимых людей в период вандалского завоевания Африки и о массовом бегстве их с земель бывших владельцев. Об этом со всей определенностью говорится в законе Юстиниана, изданном в 529 г. В этом законе мы читаем о „колонах, которые во времена вандалов бежали из поместий и жили среди свободных“.⁶ О бегстве и

¹ Procopius. De bello Vandalico, lib. I, cap. V, § 11. Цит. по изд.: Procopius Caesariensis. Opera omnia, De bellis libri, I—IV, rec. J. Hauriy, v. I, Lipsiae, 1905.

² Procop. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 12.

³ Об этом см. Victoris Vitisensis Historia persecutionis Africanae provinciae sub Geiserico et Hunirico. Monumenta Germaniae Historica (MGH), vol. III, pars I, Berolini, 1877, lib. I, cap. IV, § 13; видимо эти наделы раздавались вандалам в качестве аллодов.

⁴ Так, Прокопий сообщает, что „со всех тех земель, которые он передал своим детям и другим вандалам, Гензерих приказал не брать никаких налогов“. Procopius. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 14.

⁵ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 15.

⁶ Nov. Just., ed. Schoell, App. VI. Далее Appendices к новеллам Юстиниана цитируются по изданию Schoell.

освобождении колонов, рустиков и их детей, „которые до прихода счастливейшего войска (т. е. до византийского завоевания. — З. У.) покинули свои места жительства“, а также о клириках, бежавших с церковных земель, говорится и в постановлении 558 г.¹

Подобное же явление мы наблюдаем в Италии в период народно-освободительной войны под руководством Тотилы. Так, Прагматическая санкция 554 г. сообщает об освобождении рабов (*servos*) во времена правления Тотилы;² об этом же имеются сведения и в других источниках.³

Таким образом, колоны, рабы, прежде всего, видимо, деревенские рабы — *servi rustici*, и другие категории зависимого и угнетенного населения в огне революционных событий начала V в., сражаясь вместе с вандалами против Римской империи и римских землевладельцев, временно добились освобождения и, надо думать, — в довольно значительных масштабах. О том, какие широкие размеры приняло бегство колонов и рабов, свидетельствует настойчивость, с которой после византийского завоевания наследники римских поссессоров стремятся вместе с землями вернуть себе и потомков прежних колонов и рабов, освободившихся в период вандалского владычества в Африке.⁴ Об этом свидетельствуют и постоянные жалобы поссессоров на запустение их земель.⁵

В момент самого завоевания и тесно связанного с ним революционного движения гнев народных масс африканской провинции, действовавших совместно с вандалами, обрушился в первую очередь на римскую и местную рабовладельческую знать, на „знатных ливийцев“. Этим можно объяснить известия Прокопия о том, что самых знатных и богатых ливийцев вандалы обращали в рабов.⁶ Прокопий сообщает, что вандалский король Гензерих „тех из ливийцев, которые отличались знатностью и богатством, вместе с поместьями и всем их имуществом передал в качестве рабов (*ἐν ἀνδραπόδων μοίρῃ*) своим сыновьям Гонориху и Гензону“.⁷ Многих из знатных ливийцев вандалы изгоняли и убивали.⁸ Другие, хотя и оставались свободными, но, по словам Прокопия, жили в крайней бедности; за ними сохранялось право покинуть свои владения и уйти в другие места.⁹ В новелле 535 г. также говорится о том, что во время правления вандалов были почти уничто-

¹ Nov. Just., App. IX. Характерно, что С. Diehl (*L'Afrique byzantine*, P., 1896, p. 396), признавая факт освобождения многих колонов и рабов в период владычества вандалов, подчеркивает — в полном соответствии со своей реакционной политической концепцией, — что они освободились, „воспользовавшись беспорядком (!), которым сопровождалось правление вандалов“.

² *Pragmatica Sanctio Justiniani*. Цит. по изд. *Novellae Iustiniani*, ed. E. Ossenbrügen, cap. XV. О рабах, которые „во времена тирана женились на свободных“.

³ Procop. *De bello Gothico*, lib. III, cap. XVI, § 14—15; 25—26; cap. XXV, § 16; lib. IV, cap. XXX, § 2, 5—6; etc.

⁴ Nov. Just., XXXVI; Nov. Just., App. VI, IX.

⁵ Nov. Just., LIV, praef., App. I, Nov. CLXII, 2; C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III, col. I, Nov. VI, 13.

⁶ Procop. *De bello Vand.*, lib. I, cap. IV, § 1, cap. IV, § 3.

⁷ Procop. *De bello Vand.*, lib. I, cap. V, § 11. Прокопий при этом рассказывает, что Гензерих, после захвата Карфагена, „велел привести пленных к императорскому дворцу, чтобы ему можно было посмотреть и решить, какому господину каждый из них может служить, не унижая своего достоинства“ (Procop. *De bello Vand.*, lib. I, cap. IV, § 3). Это сообщение Прокопия наводит на мысль о том, что для знатных пленников, передаваемых тоже лишь знатым вандалам, речь шла не о рабстве в прямом смысле этого слова, а о каких-то иных, более мягких формах зависимости.

⁸ Procop. *De bello Vand.*, cap. V, § 16.

⁹ Там же, § 13.

жены старые роды африканской знати (... antiquis generibus paene deletis...)¹

Таким образом, во время вандалского завоевания многие римские посессоры в Африке погибли, другие бежали за пределы провинции, и лишь часть их осталась на положении свободных землевладельцев.

В византийских источниках „ортодоксального“ направления содержатся многочисленные жалобы и на „преследования“ католического духовенства со стороны ариан, захвативших в свои руки церковное управление Африкой при вандалах. Об этом сообщают новеллы Юстиниана, а также Прокопий и особенно Виктор Витенский и Исидор Севильский.² О бегстве из Африки знатных римских и африканских посессоров и духовенства весьма красноречиво говорится в новеллах Юстиниана 534 и 535 гг.³ По данным первой из этих новелл, „достопочтенные мужи“ („venerabiles viros“) рассеялись из Африки по разным провинциям, где и окончили свои дни „в изгнании“.⁴

В течение почти столетнего периода господства вандалов в Северной Африке внутри самого вандалского общества произошли крупные изменения. В вандалском государстве складывается и крепнет крупное землевладение, увеличивается богатство и влияние вандалской знати, в связи с ростом имущественного неравенства обостряются классовые противоречия.

Ценным свидетельством глубокой социальной эволюции, происшедшей внутри вандалского общества, является рассказ Прокопия об образе жизни вандалов. По словам Прокопия, с того времени, как вандалы овладели Северной Африкой, „они все каждый день пользовались ваннами и самым изысканным столом, всем, что только самого лучшего и вкусного производит земля и море. По большей части они носили золотые украшения, одеваясь в мидийское платье, которое теперь называют шелковым, проводя время в театрах и ипподромах и среди других удовольствий, а больше всего занимаясь охотой. Они увлекались прекрасным пением и представлениями мимов; у них были распространены все удовольствия, которые услаждают слух и зрение, одним словом, все, что считается у людей наиболее интересным из музыки и зрелищ, было у них в ходу. Большинство из них жило в парках, изобиловавших водой и богатой растительностью, часто они устраивали пиры и с большой страстью предавались всем радостям Венеры“.⁵

Не вызывает сомнения, что это описание роскошной и богатой жизни вандалов относится, конечно, к вандалской знати, родственникам и приближенным вандалских королей, захватившим африканские имения римской рабовладельческой аристократии.

Вместе с тем, можно с уверенностью сказать, что положение рядовых вандалских воинов, хотя и получивших земельные наделы, резко отличалось от положения знати, которая вела столь роскошный образ жизни.

¹ Nov. XXXVI.

² Nov. XXXVII, Cod. Just. I, 27.1; Procop. De bello Vand., lib. I, cap. VIII, § 3—4, 7; Isidorus Hispalensis. Historia de regibus Gothorum, Vandalorum et Seuborum. Monumenta Germaniae Historica, Scriptores (MGH SS), vol. XI, pars II; Isidorus Hispalensis. Chronicon. MGH SS, vol. XI, pars II, Berolini, 1894.

³ Cod. Just., I, 27.1, Nov. XXXVII.

⁴ Cod. Just., I, 27, praef. Эти данные совпадают с рассказом Прокопия (Procop. De bello Vand., lib. I, cap. VIII, § 4).

⁵ Procop. De bello Vand., lib. II, cap. VI, § 6—9.

В связи с развитием социального расслоения внутри вандалского общества, по мере роста могущества и влияния знати, а также отчасти в связи со все большим распространением в ее среде римской культуры происходило некоторое сближение части вандалской знати с сохранявшимися еще в Африке остатками римской и туземной африканской аристократии. Внутри правящей верхушки вандалов появляется „проримская“ партия, под влиянием которой меняется политика вандалских королей как по отношению к Восточной Римской империи, так и по отношению к католической церкви и потомкам местной аристократии. Эта эволюция нашла свое яркое выражение в изменении религиозной политики вандалских королей. Так, если при Гензерихе (428—477) и особенно при Гунерихе (Гонорихе) (477—484)¹ и Гундамунде (484—496)² проводилась политика жестоких „гонений“ против католического духовенства и всех не желавших принять арианство, то уже при Трасамунде (496—523) начинается некоторое смягчение этой политики. По словам Прокопия, Трасамунд „заставлял (правоверных) христиан менять свое исповедание, не мучая их тела, как бывшие до него правители, но предавая им за это почести, высокие должности и одаряя деньгами...“³

Весьма важно сообщение Прокопия о том, что при Трасамунде резко меняется также политика вандалов по отношению к Восточной Римской империи. Если Гензерих беспощадно грабил и опустошал области Восточной Римской империи — Иллирию, Грецию с прилегающими к ней островами, Пелопоннес,⁴ то Трасамунд находился в большой дружбе с императором Анастасием,⁵ а его преемник Гильдерих (523—530) являлся уже открытым сторонником восточноримского императора.⁶ По словам Прокопия, „Гильдерих был ближайшим другом и гостем Юстиниана“;⁷ „Юстиниан и Гильдерих дарили друг другу большие и ценные подарки“.⁸ Недаром Прокопий так восхваляет Гильдериха за щедрость по отношению к подданным и особенно — „христианам“⁹ и, с другой стороны, так чернит Гелимера, свергнувшего в 530 г. Гильдериха¹⁰ с престола.

Однако, если Гильдерих, возглавляя „проримскую“ партию вандалской знати, проводил политику сближения с Восточной Римской империей, то другая часть вандалской знати стремилась к независимости вандалского государства и требовала осуществления самостоятельной политики. Эти слои знати выступали против Гильдериха. Во главе этой части знати стоял Гелимер, „привлекший на свою сторону знатнейших из вандалов“.¹¹ И поэтому вполне понятно, что Юстиниан, рассчиты-

¹ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. VIII, § 3—4.

² Там же, § 7.

³ Там же, § 9. Любопытно, что при Трасамунде происходит также сближение вандалов с остготской знатью и заключается брак Трасамунда с сестрой остготского короля Теодориха—Амалафридой (там же, § 11). Впрочем, известия Прокопия расходятся с данными Исидора Севильского, который утверждает, что и Трасамунд преследовал католическое духовенство (Isidorus Hispalensis. Historia..., MGH SS, vol. XI, pars II, p. 299; ср. Его же. Chronicon, MGH SS, vol. XI, pars II, p. 474).

⁴ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 22—23, до заключения с Зеноном „вечного мира“.

⁵ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. VIII, § 14.

⁶ Там же, гл. IX, § 1—5.

⁷ Там же, § 5.

⁸ Там же.

⁹ Там же, § 1.

¹⁰ Там же, § 6.

¹¹ Там же, § 8.

вавший через своего сторонника Гильдериха активно влиять на политику вандалского государства, а, быть может, и подчинить его,¹ после переворота, совершенного Гелимером, и свержения Гильдериха выступает защитником последнего и начинает войну с вандалами, подобно тому, как впоследствии он выступит „мстителем“ за убийство остготской знатью королевы Амаласунты.

Рост социальной дифференциации и внутренняя борьба в вандалском обществе привели к ослаблению вандалского государства и послужили одной из важных причин его падения.

Подводя некоторые итоги, можно прийти к заключению, что наиболее существенными последствиями вандалского завоевания африканских областей явились: во-первых, разрушение в довольно значительных размерах римского крупного землевладения и увеличение числа мелких свободных собственников-аллодистов; во-вторых, освобождение, хотя и временное, некоторой части непосредственных производителей — колонов и рабов. Однако, наряду с этими важнейшими изменениями социально-экономических отношений в Северной Африке, внутри самого вандалского общества в период существования вандалского королевства происходит процесс роста крупной земельной собственности и усиления социальной дифференциации, влекущий за собой ухудшение положения непосредственных производителей провинции, попадавших в зависимость от вандалской знати.

* * *

„Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед“.²

Такой отжившей идеей, тормозившей дальнейшее развитие общества, являлась в период кризиса рабовладельческой системы идея „восстановления“ Римской рабовладельческой империи. Осуществлению этой отжившей и бесплодной идеи и посвятил все свои усилия император Юстиниан. С точки зрения претворения в жизнь этой идеи „отвоевание“ старых провинций Римской империи представлялось Юстиниану „великой освободительной миссией“,³ и именно так он стремился изобразить византийское завоевание Африки в своих законодательных актах. Эта „великая миссия“ состояла, по его мнению, в „отмщении обид и оскорблений“, нанесенных вандалами католической церкви, и „в освобождении народов столь большой провинции от ярма рабства“.⁴

Основной своей задачей Юстиниан демагогически провозгласил установление такого порядка во вновь отвоеванной провинции, при котором „ее жители сознавали бы, от какого жестокого рабства и ига варваров они освобождены и при какой свободе они получили возможность жить в наше счастливое правление“.⁵ Однако под прикрытием этих пышных

¹ По словам Прокопия, ходили слухи о том, что Гильдерих хотел передать „все силы вандалов“ Восточной Римской империи и с этой целью будто бы отправил посольство в Византию. Procop., *De bello Vand.*, lib. I, cap. IX, § 8.

² И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 585—586.

³ Cod. Just., I, 27, praef.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

фраз и многообещающих деклараций, немедленно после разгрома вандалов, когда часть провинции еще не была даже занята византийскими войсками, в Северной Африке началось восстановление старых порядков римского рабовладельческого государства.

Прежде всего, Юстиниан позаботился о восстановлении и укреплении гражданской и военной администрации — этого мощного рычага в руках византийского правительства для проведения его классовой политики в завоеванной провинции.

Законом 534 г. в Северной Африке была организована преторианская префектура во главе с префектом претория Африки, который пользовался широкими полномочиями.¹ Вся Африка делилась на 7 провинций — Зевгитана, Карфаген, Бизацена, Триполи, Нумидия, Мавритания и Сардиния. Во главе четырех из них стояли ректоры, другими тремя управляли президы.² Особой нотицией, приложенной к этой новелле, устанавливалось жалование всем чиновникам как гражданской, так и военной администрации, которое выплачивалось за счет собранных с провинции налогов.³ Таким образом, содержание администрации всей своей тяжестью ложилось на плечи народных масс африканской провинции. Помимо этого, население провинции крайне страдало от различных вымогательств и злоупотреблений императорских чиновников. Об этом мы находим свидетельства в самом законодательстве Юстиниана.⁴

Наряду с гражданским управлением в африканской провинции огромную роль играла военная администрация, являющаяся важной составной частью „аппарата принуждения“, находящегося в руках господствующего класса. В. И. Ленин писал: „Приемы насилия менялись, но всегда, когда было государство, существовала в каждом обществе группа лиц, которые управляли, которые командовали, господствовали и для удержания власти имели в своих руках аппарат физического принуждения, аппарат насилия, того вооружения, которое соответствовало техническому уровню каждой эпохи“.⁵

Организация военной администрации в Африке устанавливалась тем же законом 534 г. Задачей войск, расквартированных в Африке, являлась не только защита границ провинции от набегов туземных племен, но и завоевание тех земель, которые еще не были отвоеваны, — возвращение под власть империи всей провинции в тех размерах, которые она имела до вандалского завоевания.⁶

Вместе с тем, одной из наиболее важных функций византийской армии в Африке, как и в других областях империи, было установление внутреннего „порядка“ в провинции, т. е. борьба с восстаниями народных масс против правительства. Подавление антиправительственных выступлений входило в обязанности не только корпуса комитатов (*comitatenses*), расположенных во внутренних областях провинции, но и пограничных войск — лимитанов. Создание в пограничных областях специальных отрядов лимитанов производилось для того, „чтобы, если случайно произойдет какое-либо волнение (*si aliqua forsitan commotio fuerit*), сами пограничные войска без солдат — комитатов, одни, со своими

¹ Cod. Just., I, 27. 1, § 1.

² Там же, § 2.

³ Там же, § 4 сл.

⁴ Там же, § 5—7.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 441.

⁶ Cod. Just., I, 27, II, § 4, 7, 13.

командирами могли бы защищать те места, где они расквартированы, не выходя далеко за пределы своей области".¹

Важной функцией военных властей, наряду с „охраной порядка“, было также всемерное содействие бесперебойному поступлению в казну налогов с трудового населения провинции. В этих целях закон 534 г. предписывал, чтобы командиры и солдаты были „смелы и свирепы с врагами“, „мягки и милостивы с нашими сборщиками податей“ (*collatores*), чтобы военные власти не совершали никаких злоупотреблений по отношению к трибутариям Африки, стоя на страже интересов фиска.²

Таким образом, гражданская и военная администрация, восстановленная в Африке, должна была служить прежде всего политическим целям правительства, подавлять сопротивление „своих классовых противников“,³ охранять „порядок“ в Африке, бороться как против внешних, так и внутренних „врагов“ империи, пресекать выступления народных масс, обеспечивать регулярное поступление налогов — систематическое, „узаконенное“ ограбление трудящегося населения провинции.

Чрезвычайно важно было и то, что при посредстве этой сложной административной машины проводились социально-экономические мероприятия, направленные к восстановлению в Африке старых порядков римского государства.

Одной из основных задач византийского правительства в Африке была реставрация во всей полноте аграрных отношений, господствовавших в африканской провинции до вандалского завоевания и, прежде всего, восстановление крупного римского землевладения.

Конфискованные у вандалов земли в первую очередь возвращались фиску⁴ и католической церкви.⁵

Проводниками этой политики правительства являлись главнокомандующие византийской оккупационной армией Велизарий, а затем Соломон, который, по словам Прокопия, утверждал, что „земля должна принадлежать императору и римскому государству“.⁶ В „Тайной истории“ Прокопий прямо говорит о том, что Юстиниан в Африке „... лучшие земли присвоил себе“.⁷

Особым покровительством правительства пользовалась церковь, которая являлась опорой рабовладельческой империи и всемерно содействовала укреплению власти господствующего класса. В то же время сам господствующий класс нуждался в ее содействии, ибо „все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отводя их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость“.⁸

¹ Командирам предписывалось всегда держать солдат в боевой готовности, так как существовала постоянная угроза нападения туземных варварских племен и внутренних волнений (*Cod. Just.*, I, 27, II, § 8—9).

² Там же, § 11.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 114.

⁴ *Nov. XXXVI; Procop. De bello Vand.*, lib. II, cap. XIV, § 10.

⁵ *Nov. XXXVII.*

⁶ *Procop. De bello Vand.*, lib. II, cap. XIV, § 10.

⁷ *Procop. Historia Arcana*, cap. XVIII, § 10.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 206.

В период подъема революционного движения народных масс в империи идеологическое воздействие церкви на народные массы приобретало особо важное значение для господствующего класса. И поэтому, естественно, правительство Юстиниана должно было в первую очередь позаботиться об укреплении позиций „ортодоксальной“ церкви во вновь завоеванной провинции.

Действительно, вскоре после завоевания Африки „ортодоксальная“ церковь была „восстановлена“ во всех своих правах и привилегиях. Все земли, отнятые у нее во времена владычества вандалов, подлежали, согласно Прагматической санкции, изданной в 534 г., немедленному возврату.¹ В 535 г. Юстиниан издал специальную новеллу „De Africana Ecclesia“; по этой новелле за „ортодоксальными“ церквями всего африканского диоцеза на „вечные времена“ закреплялись права собственности на возвращенные им земли, при условии уплаты полагающихся с этих земель податей.²

Земли возвращались также и частным лицам. Прагматической санкцией 534 г. устанавливалось, что все земли, потерянные прежними собственниками во времена владычества вандалов, должны быть отобраны от незаконных держателей (*iniustus detentatoribus*) и возвращены их старым владельцам.³ Под последними имелись в виду как римляне, так и афры (*Afris*), потомки римских поссессоров и африканских землевладельцев, в значительной мере смешавшихся с римлянами и романизированных.⁴

Частично это были также потомки старой римской рабовладельческой аристократии, некогда, в период вандальского завоевания бежавшей из Африки и расселившейся по другим провинциям империи. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что большинство исков о возврате земель исходит, по данным новеллы 535 г., от лиц, живущих за пределами африканской провинции, но ссылающихся на то, что их предки владели землями в этой провинции.⁵

Среди лиц, претендовавших на возврат земель, находились и потомки тех африканских земельных собственников, которые остались жить в Африке во время вандальского завоевания на положении свободных землевладельцев, сохранивших некоторую часть своих прежних владений.⁶

Однако прямых потомков старой римской аристократии сохранилось, повидимому, немного, ибо, как уже упоминалось, в Африке были „почти уничтожены старые роды“.⁷ Зато нашлось очень много претендентов на получение африканских земель как из числа потомков дальних родственников старых владельцев, так и просто посторонних лиц, возможно, чиновников гражданской и военной администрации, стремившихся поживиться за счет земель африканской провинции. В результате этого возникали всякого рода злоупотребления и тяжбы.⁸

¹ Nov. XXXII, 1.

² Nov. XXXVII. Удовлетворялась просьба церковников Африки о том, чтобы „им прочно владеть землями церковей всей африканской провинции, отнятыми у них во времена тирана и возвращенными им нашим благочестивым распоряжением, после одержанных нами с божьей помощью побед над вандалами, в каком бы месте они (эти земли. — З. У.) ни находились, при условии взноса налогов, на основании закона, который по этому поводу уже был обнародован“.

³ Nov. XXXVI.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 15.

⁷ Cod. Just., I, 27, praef.

⁸ Nov. XXXVI. „... Так как были обнаружены большие злоупотребления в связи с такими делами, мы постановляем, что такого рода мошенничества должны быть

Борьба за землю достигла столь большого напряжения, что стала задевать интересы фиска, и это привело к изданию новеллы 535 г., вводившей некоторые ограничения для получения земель в Африке потомками прежних владельцев. Эти ограничения сводились к установлению 5-летнего, а фактически даже 4-летнего срока¹ для возбуждения исков о возврате земель и подыскания законных доказательств прав владения этими землями;² к ограничению права владения землей лишь тремя поколениями ближайших родственников по мужской и женской линии;³ к введению гласного судебного процесса для разбирательства дел о возврате земель. При этом судебный процесс ведется обязательно в присутствии обеих тяжущихся сторон и их родственников,⁴ путем рассмотрения законных документов или опроса заслуживающих доверия свидетелей.⁵ Доказательства родства и прав владения имуществом должны быть представлены обеими тяжущимися сторонами, а не одной лишь стороной, вчиняющей иск⁶ (что, видимо, имело место ранее издания этой новеллы).

Первоначально для доказательства прав на владение землей можно было использовать документы, составленные не в самой Африке, а в Константинополе или в других провинциях; допускалось также разбирательство судебных дел, связанных с возвратом африканских земельных владений за пределами этой провинции. Новеллой 535 г. этот порядок был отменен.

Дела о возврате земель должны были рассматриваться обязательно в самой африканской провинции и лишь в суде префекта претория Африки или в судах президов провинций и островов,⁷ а для доказательства прав владения законными считались только документы, составленные в самой Африке.

Цели, которые преследовало византийское правительство изданием этой новеллы, сводились прежде всего к защите интересов фиска, а также — господствующей церкви.

XXXVI новелла дает яркую и полную жизни картину борьбы за земли, конфискованные в Африке, и всякого рода махинаций и злоупотреблений, связанных с возвратом земель. Повидимому, в Африку нахлынула масса претендентов, „законных“ и „незаконных“, жаждавших прибрать к рукам плодородные земли африканской провинции, в то время как правительство стремилось обеспечить львиную долю конфискованных в Африке земель фиску и церкви. В связи с этим Юстиниану пришлось временно несколько ограничить непомерные аппетиты этих многочисленных претендентов, хотя права „законных“ (с точки зрения правительства) собственников на возврат земель полностью подтверждались и новеллой 535 г.⁸

пресечены, для того чтобы в то время, как мы желаем вернуть кому-либо его имущество, другие лица обманным путем не приобретали бы чужое имущество“.

¹ Год, прошедший с момента издания в 534 г. Прагматической санкции, засчитывался в общий 5-летний срок. Nov. XXXVI.

² Nov. XXXVI.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же: „Если кто-либо представит такого рода документы, будто бы составленные в благословенном городе или в другом месте, мы считаем, что они не должны быть приняты во внимание, хотя раньше это и было позволено. Судебные дела о возврате земель должны рассматриваться не в других провинциях или в этом благословенном городе, но только в африканском диоцезе“.

⁸ Nov. XXXVI: „Итак, этим законом мы постановляем: тот, кто утверждает, что имущество (res) принадлежит либо ему, либо его отцу или деду, и докажет, что оно удерживается другими вопреки закону, пусть его получит“.

В том же 535 г. была издана новелла XXXVII, гарантировавшая права африканской церкви на возвращенные ей земли. Анализируя данные этой новеллы, мы приходим к заключению, что интересы господствующей церкви в какой-то мере также были затронуты той борьбой, которая развернулась в африканской провинции в связи с возвратом земель старым собственникам. Именно ущемлением интересов церкви и были вызваны просьбы африканского духовенства (во главе с епископом Карфагена Репаратом) к императору о закреплении за африканскими церквами всех уже полученных ими земель и о возвращении другого церковного имущества. По существу XXXVI—XXXVII новеллы отражают борьбу за передел африканских земель между крупным церковным и светским землевладением. Юстиниан в этой борьбе принял сторону церкви. Церковным собственникам отдавалось совершенно явное предпочтение перед светскими. XXXVII новеллой закреплялись и подтверждались права владения не только всеми землями, возвращенными церкви, но церквам африканского диоцеза возвращалось и другое имущество, как то: дома, священные предметы, сосуды, утварь, — если будет доказано, как говорится в новелле, — что это имущество удерживается афрами, арианами, язычниками или другими лицами, а ранее оно принадлежало церкви.¹ Все церковное имущество должно было быть возвращено без всякого промедления и притом независимо от того, когда именно это имущество было утрачено тем или иным церковным учреждением: давность владения этим имуществом другими лицами не принималась во внимание.

Таким образом, если для возврата земель светским лицам устанавливались различные ограничения, и, в частности, право владения распространялось лишь на три поколения собственников, то церковь пользовалась в этом отношении значительными привилегиями; ее права на возврат имущества и владение им не ограничивались каким-либо сроком.

Предписывалось проводить возврат церковного имущества, строжайшим образом пресекая всякие злоупотребления со стороны лиц, незаконно его захвативших.²

Новеллой XXXVII вновь подтверждалось распространение на африканские владения церкви закона 535 г. о церковных имуществах, общего для всей империи.³ Согласно этому закону, запрещалось отчуждать церковное имущество, движимое и недвижимое, каким бы то ни было способом, — путем ли продажи, дарения или обмена.⁴ В соответствии с этим в XXXVII новелле церквам африканского диоцеза давалось позволение отобрать у незаконных владельцев как *res proprias*, так и *possessiones*.⁵ Карфагенской церкви предоставлялись все права, которыми пользовались церкви метрополии.⁶ Особым постановлением подтверждалось право дарения земель и другого имущества церквам африканского диоцеза;⁷ приобретенное таким путем имущество закреплялось за церковью.⁸ Все права и привилегии даровались церкви на вечные времена.

Итак, законодательство Юстиниана в Африке, как и в других областях империи, стояло на защите интересов господствующей церкви,

¹ Nov. XXXVII.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Nov. VII, 1.

⁵ Nov. XXXVII.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

ограждая в первую очередь имущественные права духовенства в его столкновениях со светскими землевладельцами.

Необходимо отметить, что некоторые ограничения по отношению к землевладельцам, претендовавшим на возврат земельных владений в Африке, диктовались не только интересами фиска и господствующей церкви. Значительную роль при этом сыграли и соображения чисто политического характера. Правительству Юстиниана необходимо было создать себе прочную социальную опору внутри так недавно и столь еще непрочно завоеванной провинции. Непосредственно после завоевания провинция, которые активно способствовали победе византийского оружия: прежде всего, оно стремилось удовлетворить аппетиты потомков старой рабовладельческой знати, как живших в самой провинции, так и находившихся в эмиграции. Однако при передаче земель тем и другим встретились значительные трудности, так как приходилось отбирать земли не только у вандалов, но и у части местных африканских землевладельцев, у той романизированной местной знати, которая вновь значительно окрепла в правление Трасамунда и Гильдериха. Между знатыми претендентами на захват африканских земель, прибывшими из других провинций, и местными африканскими землевладельцами началась ожесточенная борьба за земли. Правительство, стремясь расширить свою социальную базу в Африке — привлечь на свою сторону часть местной африканской землевладельческой знати — принуждено было вмешаться в эту борьбу. Характерно, что одной из основных причин введения ограничений для возврата земель в Африке Юстиниан признавал необходимость пресечь внутреннюю войну между африканцами из-за захвата земель.¹

XXXVI новеллой Юстиниан признает за местными африканскими землевладельцами права юридической стороны в процессах о возврате земель старым владельцам. Такие постановления XXXVI новеллы, как рассмотрение дела в присутствии обеих тяжущихся сторон; предъявление обеими сторонами документов и свидетельских показаний для доказательства прав владения имуществом; рассмотрение дела обязательно в африканском диоцезе и на основании документов, составленных лишь в этой провинции; гласность процесса, наконец, самые ограничения срока возбуждения исков, прав владения (тремя поколениями) — все это говорит о стремлении правительства оградить до некоторой степени интересы местных землевладельцев.

Совершенно очевидно, что речь здесь идет не о вандалах, земли которых были почти полностью конфискованы, а сами они в большинстве своем взяты в плен, обращены в рабство или высланы за пределы африканской провинции;² когда в XXXVI новелле говорится о лицах, владеющих теми землями в Африке, на которые претендуют потомки старых землевладельцев, о лицах, которые теперь получают права юридической стороны при рассмотрении дела о возврате земель, — то при этом имеются в виду прежде всего афры, местная африканская романизированная знать. В руках вандалов земли могли кое-где сохраняться лишь в качестве крайне редкого исключения.

¹ Nov. XXXVI: „... для того, чтобы, — поскольку прошло столько лет и так как почти уничтожены старые роды, — африканцам (Afris) нельзя было бы возобновлять старые тяжбы и взаимно наносить друг другу вред и вести внутреннюю войну во время общего мира“.

² Procop. De bello Vand., lib. II, cap. XV, § 3, cap. XIX, § 3.

На основе всего вышесказанного можно прийти к заключению, что после византийского завоевания в Африке произошли значительные изменения в распределении земельной собственности: большая часть земель, конфискованных у вандалов, по решению правительства должна была быть передана фиску, господствующей церкви, потомкам старой римской землевладельческой аристократии. Однако на практике дело обстояло значительно сложнее: при передаче земель потомкам старых владельцев трудно было установить права владения землей, и нашлось немало претендентов со стороны, стремившихся захватить африканские земли. Развернулась острая борьба между фиском, церковью, претендентами на землю из среды римской аристократии, а также — местной африканской знатью, стремившейся сохранить земли, которыми она владела. В этой сложной борьбе правительство Юстиниана порою было принуждено лавировать и даже идти на некоторые уступки туземным, африканским элементам, но все же в целом оно стояло на страже интересов фиска, крупного церковного землевладения и старой рабовладельческой римской аристократии.

Подобную же политику проводит Юстиниан и в Италии после завоевания ее византийскими войсками. Из Прагматической санкции, изданной для Италии в 554 г.¹, явствует, что все движимое и недвижимое имущество крупных итальянских землевладельцев, потерянное ими во время народно-освободительной войны, развернувшейся под руководством Тотилы, возвращалось прежним хозяевам.² Земельные и другие пожалования остготских королей — Амаласунты, Аталариха и Теодата, ориентировавшихся в своей политике на союз с римской знатью, — а также пожалования, сделанные в Италии самим Юстинианом и Феодорой, оставались в силе,³ в то время как все пожалования „тирана“ Тотилы — как римлянам, так и другим лицам — считались недействительными.⁴ Отобранное у незаконных держателей имущество возвращалось прежним владельцам (*antiquis dominis*).⁵

Последним создавались все условия для получения своих земельных владений и другого имущества: потеря документов, подтверждающих права собственности, не являлась препятствием для восстановления владения имуществом;⁶ прежним владельцам, по их требованию, возвращалось даже то имущество (в частности, и земли), которое было продано или уступлено на основании законного договора во времена правления „тирана“, ибо все эти сделки считались заключенными в результате „насилия“ или „страха“ и не признавались теперь действительными.⁷ Всем землевладельцам, бежавшим из Италии, а также попавшим в плен (или их наследникам), возвращалось их имущество, в частности, — стада.⁸ Движимое и недвижимое, а также так называемое „самодвижущееся“ имущество, т. е. рабы и скот (*res moventes*),⁹ которыми римляне „со времен Теодориха и до прихода нечестивого Тотилы“ владели лично или через узуфруктуариев и других лиц, сохранялось за ними „твердо и нерушимо“ на будущие времена.¹⁰

¹ *Pragmatica Sanctio*, p. 735—738.

² Там же, гл. I—V; VIII, XI, XIII, XIV—XVII.

³ Там же, гл. I.

⁴ Там же, гл. II.

⁵ Там же.

⁶ Там же, гл. III, XXI.

⁷ Там же, гл. V.

⁸ Там же, гл. IV, XIII.

⁹ Там же, гл. VIII.

¹⁰ Там же.

Прагматическая санкция 554 г. содержит чрезвычайно важные данные о социальной принадлежности лиц, которым возвращалось их имущество. Это, прежде всего, римская рабовладельческая знать — „славнейшие мужи“ (*viros gloriosissimos*) и „великолепные сенаторы“ (*magnificos senatores*),¹ — бежавшие из Италии в страхе перед народным движением, а теперь возвращающиеся обратно. В особой статье Прагматической санкции Юстиниан позволял им „отправиться в провинцию Италию и жить там столько времени, сколько им потребуется для восстановления своих владений, ибо в отсутствие хозяев трудно возродить владения и должным образом вести хозяйство“.²

Из Прагматической санкции видно, что это были крупные землевладельцы, владельцы больших стад скота,³ а также и значительного количества рабов.⁴

Земли и другое имущество возвращалось в Италии также и церкви.⁵ По просьбе римского папы Вигилия Юстиниан подтвердил все пожалования остготских королей,⁶ в том числе и многочисленные пожалования в пользу церкви. Приданое монахинь (в первую очередь, земельные владения), вышедших замуж „во времена тиранической жестокости“, вновь возвращалось монастырям и церквам.⁷

В Прагматической санкции 554 г. не были, конечно, забыты и интересы фиска: так, например, вновь подтверждались и приобретали законную силу все контракты, заключенные с фиском до прихода Тотилы.⁸ Однако, в отличие от Африки, в Италии на первый план выдвигалась защита имущественных интересов непосредственно рабовладельческой знати — многочисленных знатных эмигрантов: в Прагматической санкции, изданной для Италии, в меньшей степени обнаруживается стремление правительства оградить права церкви и фиска — обстоятельство, которое объясняется, конечно, своеобразием политической ситуации в Италии, и прежде всего — большим, чем в Африке, влиянием римской и итальянской рабовладельческой знати.

Однако при всем различии и своеобразии экономических и политических условий в Африке и Италии политика правительства Юстиниана и в той, и в другой завоеванной провинции была по существу одинаковой и сводилась к реставрации старых аграрных отношений Римского государства, в частности — к восстановлению крупной римской земельной собственности и к возврату земель прежним владельцам или их потомкам.

Особенно важным и сложным является вопрос о том, что принесло с собой византийское завоевание трудовому населению завоеванных провинций, в частности, Африки, как оно отразилось на положении непосредственных производителей африканской провинции. Для разрешения этой сложной проблемы мы располагаем лишь весьма скудными данными источников, в первую очередь, юридических.

В новеллах Юстиниана и других императоров, изданных после завоевания Африки и относящихся непосредственно к этой провинции, упоминаются различные категории зависимого сельского населения,

¹ *Pragmatica Sanctio*, гл. XXVII.

² Там же.

³ Там же, гл. IV.

⁴ Там же, гл. VIII, XV, XVI.

⁵ На Италию распространялись все законы, действовавшие в империи, в частности новелла VII о церковных имуществах.

⁶ *Pragmatica Sanctio*, гл. I.

⁷ Там же, гл. XVII.

⁸ Там же, гл. XXIV.

как-то: колоны,¹ клирики, посаженные на церковных землях в качестве колонов,² адскриптиции — приписные (*adscripticii*),³ сельские рабы (*servi rustici*) — (τὰ ἀνδράποδα ἀγροικῶν⁴ или τὰ γεωργικὰ ἀνδράποδα).⁵ Наряду с этим в юридических памятниках, относящихся к византийской Африке, встречаются также и упоминания о свободном крестьянстве (οἱ γεωργοί).⁶

Наиболее часто в документах речь идет о колонах. Это может служить косвенным показателем того, что в этот период в Африке, как и в других областях империи, получил большое распространение колонат.⁷ Однако и рабство еще сохраняло известное значение в сельском хозяйстве провинции, о чем свидетельствуют постановления Юстиниана относительно рабов, эти постановления имели силу и для африканской провинции.⁸ Впрочем, с точностью установить соотношение между количеством колонов и рабов в Африке в изучаемую нами эпоху не представляется еще возможным, в связи со скудостью источников, но несомненно, что происходило все большее сближение в положении различных категорий зависимого населения.

Итак, по своему социальному составу, сельское население африканской провинции в VI в. было весьма пестрым и состояло как из свободного крестьянства, так и различных категорий зависимого населения, — так называемых „свободных“ колонов, сидевших на землях светских и церковных землевладельцев, колонов приписных — адскриптициев и сельских рабов.

Мы уже указывали, что подобно другим вторжениям различных племен и народов на территорию Римской империи, вандалское завоевание сочеталось с революционными восстаниями народных масс Африки и сопровождалось освобождением колонов и рабов.⁹ Иными словами, вандалское завоевание в сочетании с активной борьбой угнетенных масс за свое освобождение временно привело к серьезному улучшению положения непосредственных производителей африканской провинции.

Можно предположить, что колоны и сельские рабы, бежавшие из поместий африканских землевладельцев и „жившие среди свободных“,¹⁰ продолжали оставаться земледельцами,¹¹ причем первоначально они поселялись в качестве свободных людей на землях, отнятых у римской знати и еще не занятых вандалами.¹² Часть колонов и рабов, активно помогавшая вандалам в борьбе с рабовладельческой империей, могла получить себе участки для обработки. Однако львиная доля земель

¹ Nov. Just., App. VI, IX. C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III, Nov. VI, XIII.

² Nov. Just., App. IX — о переманивании клириков, испомещенных в качестве колонов на церковных землях (in officiis ecclesiasticis constitutos ex iure colonatus).

³ Nov. VI, XIII. Nov. Just., Const. II. De adscripticiis et colonis. О различии между колоном и адскриптицием см. Nov. Just., CLXII, 2.

⁴ Nov. Just., VII, cap. 1; Nov. Just. App. IX (о рустиках), Nov. XXXVII [о рабах, о запрещении иудеям иметь рабов (servos) христиан и др.].

⁵ Nov. Just., VII, praef., cap. VI. О разнице между адскриптициями и *servi rustici* — Cod. Just. XII, 48.21.

⁶ Nov. Just., VII, praef.; Nov. Just., App. VI; Cod. Just., I, 27. II, § 11.

⁷ См. C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III. Nov. VI, XIII; C. E. Zachariae von Lingenthal. *Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts*, Berlin, 1832, S. 223—224.

⁸ Nov. Just., VII, praef.; cap. I, VI etc.

⁹ См. выше, стр. 91—92.

¹⁰ Nov. Just., App. VI и IX.

¹¹ Там же. Из контекста постановлений 552 г. (App. VI) и 558 г. (App. IX) видно, что потомков колонов и сельских рабов, бежавших при владычестве вандалов, возвращали с земель других владельцев, которые они обрабатывали, а не из городов.

¹² Procop. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 10—17.

в Африке была все же, как уже отмечалось ранее, захвачена вандалскими королями и знатью. Для их обработки требовались рабочие руки. И действительно, по данным источников, на земли вандалской знати в качестве рабов и колонов были посажены военнопленные римляне.¹ Однако это не могло полностью удовлетворить потребности в рабочей силе, и поэтому вандалская знать довольно широко использовала труд местного трудового населения. Оно состояло отчасти из тех непосредственных производителей, которые оставались на землях, захваченных вандалами, но также — из колонов и рабов, временно освободившихся, а затем вновь обращенных вандалской знатью в зависимых людей; этот процесс протекал особенно интенсивно в последний период владычества вандалов, ознаменовавшийся, как мы видели, ростом могущества и влияния вандалской знати.

Оставшаяся в Африке туземная знать, вновь укрепшая в последние годы правления вандалов, также использовала на своих землях труд колонов и рабов. Во всяком случае характерно, что возврат потомков беглых рабов и колонов наследникам старых владельцев (после византийского завоевания) происходил часто с земель других собственников. Особенно „энергично“ в этом направлении действует господствующая церковь, которая возвращает беглых колонов церковных имений — клириков, переманенных на земли светских землевладельцев.²

Таким образом, в результате революционных боев V в., происшедших в период вандалского завоевания, угнетенные массы африканской провинции добились довольно широкого, но лишь временного освобождения от рабства и других форм личной и имущественной зависимости. Вскоре место старых эксплуататоров — римских поссессоров — заняли вандалская и туземная африканская знать. Эксплуатация зависимого населения создавала почву для сближения части вандалской знати с местной африканской аристократией, особенно в правление Трасамунда и Гильдериха.

В свете сказанного об изменении положения непосредственных производителей во время господства вандалов следует рассматривать и вопрос об отношении населения Африки к византийскому завоеванию. Особое значение при изучении этого вопроса имеют данные Прокопия об отношении крестьянства Северной Африки как к вандалам, так и к византийским войскам. Как видно из рассказа Прокопия, византийские войска не встречали активной поддержки со стороны сельского населения, несмотря на демагогическую политику, которую проводил Велизарий для привлечения на свою сторону населения африканской провинции.³ Более того, Гелимер сумел привлечь к себе (по словам Прокопия — раздачей денег и ласковым обращением) „многих ливийских земледельцев“.⁴ По приказу короля вандалов „ливийские земледельцы“ убивали византийских солдат, бродивших по селениям близ Карфагена.⁵ Головы убитых византийских воинов они приносили к Гелимеру.⁶

¹ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 11.

² Nov. Just., App. IX. Сравните Pragmatica Sanctio 554 г., cap. XVI, где говорится о возврате прежним владельцам рабов или колонов, удерживаемых другими лицами.

³ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. XVI, § 1—10; cap. XVII, § 6—7; cap. XX, § 18—20.

⁴ Там же, cap. XXIII, § 1—4.

⁵ Там же. Прокопий, стараясь скрыть истинное отношение населения к византийским войскам, стремится подчеркнуть, что урон, нанесенный этими „земледельцами“, был невелик, так как они якобы убивали не самих солдат, а рабов и обозных служителей, и что делали они это за высокую плату, получаемую от Гелимера.

⁶ Там же, § 4.

Можно предположить, что поддержку вандалам и активное сопротивление византийским войскам оказала та часть африканского сельского населения, положение которой улучшилось в связи с вандалским завоеванием, т. е. потомки бывших колонов и рабов, которым удалось добиться освобождения и сохранить свою свободу вплоть до вторжения византийских войск в Северную Африку.

Однако основная масса зависимого сельского населения африканской провинции не подняла оружия в защиту вандалов, видя в лице вандалской знати таких же угнетателей, как и римляне, и отнеслась индифферентно к судьбе вандалского королевства.¹ Это обстоятельство во многом и решило исход борьбы между вандалскими и византийскими войсками. Вместе с тем, византийские войска получили активную поддержку в Северной Африке (так же, как впоследствии и в Италии) от уцелевших потомков римской аристократии, представителей туземной романизированной знати, ориентировавшейся на союз с Римской империей, и „ортодоксального“ духовенства.² Последнее, сильно ущемленное в своих интересах при вандалах, оказало в Африке особенно активную поддержку правительству Юстиниана. Естественно, поэтому, что победа византийского оружия была восторженно встречена духовенством. Так, на соборе африканских епископов, созванном в 534 г. в Карфагене, духовенство африканских „православных“ церквей выражает свою радость по поводу установления в Африке власти византийского императора.³

Равнодушием к судьбе вандалского королевства большинства угнетенного и зависимого населения Африки, а также поддержкой знати и духовенства в первую очередь и объясняется тот факт, что Велизария, высадившемуся в 534 г. в Северной Африке со сравнительно небольшой экспедиционной армией,⁴ в короткий срок удалось разбить вандалов и захватить большую часть провинции.⁵

Не подлежит сомнению, что византийское завоевание, вопреки утверждениям буржуазных ученых, связанное с реставрацией хищнических порядков рабовладельческой империи, привело к значительному ухудшению положения непосредственных производителей африканской провинции. Особенно тягостным для трудового населения Северной Африки было восстановление старых форм эксплуатации непосредственных производителей, распространенных в римском рабовладельческом государстве.

После победы над вандалами и завоевания африканских областей Юстиниан должен был подумать о вознаграждении своих союзников в Африке, а также знатных эмигрантов и, прежде всего, об удовлетворении притязаний „ортодоксального“ духовенства и потомков рабовладельческой знати. Наряду с требованием возврата земель, наследники старых владельцев претендовали также и на возврат зависимого населения, ранее обрабатывавшего эти земли. Они требовали возвращения потомков рабов и колонов, некогда бежавших из имений и сделавшихся сво-

¹ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. XVII, § 6—7; cap. XX, § 1—3; cap. XXI, § 9—10.

² Там же, кн. I, гл. XVI, § 9—10; гл. X, § 22—24; кн. II, гл. XXIII, § 18—29.

³ Labbe. Sacrosancta Concilia, lib. IV, col. 1755.

⁴ В армии Велизария, по подсчетам Прокопия, было 10 тыс. пехоты, 5 тыс. конницы, 400 герулов и 600 массагетов — всего около 16 тыс. человек. Procop. De bello Vand., lib. I, cap. XI, § 1—10.

⁵ Византийское правительство, как уже упоминалось выше, имело некоторую опору и внутри самого вандалского общества в лице той части вандалской знати, во главе с Гильдерихом, которая явно стремилась к сближению с империей.

бодными людьми.¹ Эти требования были удовлетворены, что подтверждается новеллой 558 г., специально изданной для провинции Африки. В этой новелле упоминается особое постановление, к сожалению, до нас не дошедшее, которым предписывался возврат рустикав на земли их прежних хозяев. В новелле говорится: „Мы по этому поводу уже издали священные постановления, которыми определили, с какого времени должен происходить возврат рустикав, как мужчин, так и женщин“.²

Особую активность в возврате рабов и колонов проявила церковь. По настоянию африканского духовенства, со всей строгостью предписывалось возвращать колонов и сельских рабов, бежавших из поместий церкви на земли других владельцев.³

В новелле 535 г. о церковных имуществах, распространявшейся на Восток, Иллирик, Египет, Рим и Ливию (на области афров),⁴ ограждались права церкви не только на недвижимое имущество, но и на зависимое население и, прежде всего, на колонов и сельскохозяйственных рабов (τὰ ἀνδράποδα ἀγροικῶν).⁵ Строжайшим образом запрещалось отчуждать как недвижимое имущество церкви — строения, поля, сады и т. п., так и сельскохозяйственных рабов (τὰ γεωργικὰ ἀνδράποδα),⁶ или передавать их кредиторам в качестве залога.⁷

Подобная же политика проводилась правительством Юстиниана и в других завоеванных провинциях. Так, например, после завоевания Италии, Юстиниан предписывал Прагматической санкцией 554 г. возвратить старым владельцам не только движимое и недвижимое имущество, но также рабов и колонов.⁸ В особой главе Прагматической санкции говорилось: „рабов же или колонов, если окажется, что они удерживаются какими-либо другими лицами, мы приказываем возвратить их прежним господам, вместе с родившимся в течение этого времени потомством“.⁹

В связи с тем, что в период „варварских“ вторжений и сочетавшихся с ними широких народных движений многие бывшие колоны и рабы женились на свободных женщинах, после византийского завоевания весьма животрепещущим (как для Африки, так и для Италии и других областей) стал вопрос о статусе потомства, родившегося от подобных браков. Недаром установлению положения детей адскрипция и свободной женщины посвящено несколько новелл Юстиниана. Видимо, речь шла о статусе довольно многочисленной категории лиц, и от решения этого вопроса в том или другом направлении (т. е. от того, будут ли признаны дети от такого рода „смешанных“ браков свободными либо зависимыми людьми), зависело решение вопроса о рабочей силе для многих крупных землевладельцев, с одной стороны, о свободе или несвободе для значительной группы непосредственных производителей — с другой.

¹ Nov. Just., App. IX; C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III, Nov. VI, XIII.

² Nov. Just., App. IX.

³ Gregorii Magni Epistolae, 9, 203; Nov. Just., App. IX. (о сроке возврата клириков).

⁴ Nov. Just., VII, cap. I.

⁵ Там же, praef.

⁶ Nov. Just., VII, cap. I.

⁷ Там же. Необходимо отметить, что в большинстве случаев речь идет о правах церкви на рабов, и лишь в одном случае — на колонов.

⁸ Pragmatica Sanctio, cap. VIII, XVI.

⁹ Там же, гл. XVI.

В связи с этим развернулась острая борьба, нашедшая свое отражение в изменении законодательных постановлений. Правительство Юстиниана принуждено было лавировать, то выполняя настоятельные требования крупных собственников, то — под давлением широкого народного движения — идя на некоторые уступки народным массам.

Так, в 533 г. был издан закон, согласно которому дети, рожденные от брака адскрипция со свободной женщиной, считаются свободными.¹ Тем самым отменялось древнее постановление, по которому такое потомство сохраняло статус отца, т. е. оставалось на положении адскриптицев. Издание этого постановления было вызвано как экономическими, так и политическими причинами. С одной стороны, оно диктовалось все растущей нерентабельностью труда адскриптицев, близких по своему положению к рабам, с другой — необходимостью пойти на некоторые уступки народным массам в связи с подготовкой к таким широким завоевательным мероприятиям, как поход в Африку и отвоевание западных провинций.

Воспользовавшись этим законом, многие дети адскриптицев покинули поместья своих хозяев, что вызвало опустение имений и многочисленные жалобы землевладельцев; уже в 537 г. Юстиниан под давлением крупных собственников отменил это постановление.²

В 539 г. было издано новое постановление, согласно которому сын адскрипция и свободной женщины в том случае становится лично свободным, если он остается в качестве свободного колона на той же земле, на которой жил его отец в качестве адскрипция.³

Что касается Африки, то уже вскоре после завоевания на нее были распространены общие для всей империи законы.⁴

Однако в Северной Африке Юстиниану пришлось особенно серьезно считаться с народным движением, развернувшимся с большой силой в этой провинции в 30-х—40-х годах VI в. В результате ряда народных восстаний под руководством Стотзы и Иоанна⁵ правительству пришлось пойти на некоторые уступки народным массам. Так, в 552 г., вскоре после относительного „замирения“ Африки, происшедшего, по данным источников, около 548 г., Юстиниан издает особое постановление для африканской провинции, согласно которому колоны, бежавшие из поместий во времена вандалов и жившие среди свободных, не должны были возвращаться в свое прежнее состояние, а сохраняли свободу;⁶ но вместе с тем, запрещался переход колонов на земли других владельцев на будущее время.⁷

Это постановление, изданное под воздействием ряда народных восстаний, длившихся свыше десятилетия и лишь с огромным трудом подавленных правительством, свидетельствует о стремлении Юстиниана некоторыми уступками предотвратить новую вспышку восстаний угнетенных масс в Северной Африке. Это было особенно необходимо сделать еще и потому, что как раз в конце 40-х — начале 50-х годов в Италии пылала народно-освободительная война против империи, требовавшая от византийского правительства напряжения всех сил.

¹ Nov. Just., XXII, 17; Nov. LIV, 1.

² Nov. Just., LIV, praef., cap. I.

³ Nov. Just., CLXII, 2. Новелла издана специально для провинции Иллирик.

⁴ Nov. Just., App. IX.

⁵ См. З. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. „Византийский Временник“, т. V, М., 1952, стр. 15—48.

⁶ Nov. Just., App. VI.

⁷ Там же.

Однако африканские землевладельцы, захватившие плодородные земли этой провинции и нуждавшиеся в рабочих руках, отнюдь не желали выполнять только что названного предписания центрального правительства. Они совершенно беззастенчиво вновь начали захватывать и силой возвращать бежавших из их поместий колонов, рустикав или их детей. Об этом прямо говорится в постановлении Юстиниана от 558 г.: „Нам стало известно о том, что некоторые в нашей провинции, не считаясь с нашими постановлениями, которые мы сделали о возвращении рустикав (*rusticorum*), не прекращают совершать беззакония, возвращая колонов или рустикав или их сыновей, которые до прихода счастливейшего войска покинули свои места жительства“.¹ Кроме того, в постановлении 558 г. особо говорится о том, что поссессоры Африки „не перестают переманивать к себе клириков, помещенных в качестве колонов на церковных землях“.² В связи с этим император предписывает префекту претория Африки любыми способами пресечь эти „незаконные возвраты“.

Из этой же новеллы мы видим, что в Африке существовала сильная оппозиция по отношению к тем постановлениям Юстиниана, которые хоть в какой-то мере означали уступки народным массам. Оппозиционные настроения были распространены в среде крупных землевладельцев, которые стремились противопоставить авторитет старых и общих для всей империи законов, конечно, выгодных для них, — новым постановлениям правительства Юстиниана. Юстиниан особо говорит об этом и подчеркивает, что все его предписания, изданные специально для Африки и касающиеся вопроса о возврате колонов и рустикав, должны иметь силу закона и никаким постановлением общих законов не могут быть аннулированы.³

Однако сам Юстиниан должен был считаться с требованиями африканских землевладельцев: в той же новелле 558 г. он предписывает, чтобы колоны и рустики, бежавшие из имений своих хозяев уже после завоевания провинции Африки византийскими войсками, немедленно возвращались своим прежним владельцам.⁴ Этой же новеллой предписывался возврат клириков на земли, принадлежащие африканской церкви.⁵ Целью издания закона, как ее формулировал законодатель, являлось стремление прекратить „пустые споры и тяжбы“ и добиться того, чтобы жители Африки „знали, в какой срок они должны возбуждать свои иски о возвращении колонов, мужчин и женщин, или клириков“.⁶

Однако африканские поссессоры были крайне недовольны этим законом и возобновили свои настойчивые просьбы к правительству о более строгом прикреплении к земле непосредственных производителей. Эти многочисленные просьбы и жалобы африканских землевладельцев⁷ свидетельствуют о непрекращающемся бегстве колонов и рабов с их земель, о все растущем запустении африканских поместий, отражавшем общий кризис рабовладельческой системы. Непрекращающееся бегство зависимого населения (колонов, сельских рабов) из поместий африканской знати говорит также о том, что даже после подавления

¹ Nov. Just., App. IX.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. При этом указывается, что ранее установленный срок возвращения клириков нельзя удлинять.

⁶ Там же. Выше в той же новелле говорилось и о возврате рустикав.

⁷ C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III, Nov. VI—XIII.

одного из крупнейших народных движений в Африке, развернувшегося там в 30-х — 40-х годах VI в., упорное сопротивление народных масс продолжалось. Видимо, постоянным давлением со стороны народных масс Северной Африки объясняется то обстоятельство, что на Африку в течение всего правления Юстиниана так и не был распространен закон 539 г., изданный для Иллирика и устанавливавший, что сыновья адскриптицев и свободных женщин должны оставаться на землях прежних владельцев в качестве колонов.¹

Лишь при Юстине II в 570 г. настойчивые просьбы африканских поссессоров были удовлетворены: было издано предписание о том, чтобы дети адскриптицев и свободных женщин оставались в имениях хозяев отца на положении колонов.² Мотивом издания этого постановления выдвигалось то, что дети адскриптицев, опираясь на постановление 533 г., противоречащее старым законам, оставляют земельные участки, на которых они родились и, живя в других местах, наносят ущерб как фиску, так и владельцам земли.³

Но, несмотря на издание этой новеллы, бегство зависимых людей продолжалось, продолжалось и переманивание колонов и рабов из имений одних владельцев на земли других. Видимо, некоторые землевладельцы, используя закон 533 г. о том, что дети адскриптиция и свободной женщины — свободны и, следовательно, могут сами выбирать себе место жительства, переманивали их и затем удерживали в своих имениях.⁴ В правление императора Тиберия последовали новые настойчивые жалобы и просьбы африканских поссессоров во главе с Публианом, главой карфагенской общины, о подтверждении Прагматической санкции 570 г., изданной императором Юстином II.⁵

В 582 г. Тиберий удовлетворил эти просьбы и особой новеллой подтвердил на будущие времена постановление своего отца о статуте детей адскриптицев,⁶ исходя опять-таки из интересов фиска и крупных землевладельцев.⁷

* * *

Подводя некоторые итоги, мы видим, что политика, проводившаяся византийским правительством в Северной Африке, как и в других „отвоєванных“ у „варваров“ провинциях, носила ярко выраженный реставраторский характер. Основной задачей правительства Юстиниана было восстановление в Северной Африке не только крупного римского землевладения, но и старых форм эксплуатации непосредственных производителей, выражением чего явился возврат в прежнее зависимое и бесправное положение потомков освободившихся в период вандальского завоевания колонов и рабов. Орудием проведения подобной политики служил реставрированный в Африке аппарат гражданского и военного управления, „...аппарат, который принуждал рабов оставаться в рабстве, удерживал одну часть общества в принуждении, угнетении у другой“.⁸

¹ С. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III, Nov. VI.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, Nov. XIII.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 442.

Политика правительства Юстиниана в завоеванных провинциях является в то же время чрезвычайно ярким свидетельством той реакционной роли, которую играет рабовладельческое государство в эпоху перехода от античного рабовладельческого общества к обществу феодальному. Оставаясь, как и в античную эпоху, „...преимущественно государством рабовладельцев для подавления и обуздания рабов...“¹ византийское государство делает при Юстиниане последнюю попытку реставрации римской империи в ее прежних границах, тщетно пытается укрепить разлагающийся рабовладельческий базис этой империи.

В своей политике по отношению к населению завоеванных областей византийское правительство выступает как защитник интересов фиска, церкви и крупных землевладельцев — потомков римских поссессоров. Византийское завоевание Северной Африки приводит к значительному ухудшению положения основной массы непосредственных производителей. Потомки сельских рабов и колонов, освободившихся в период вандальского завоевания, сохранившие свободу вплоть до прихода византийских войск, теперь вновь попадают в зависимое и подневольное положение; их насильственно возвращают на земли прежних владельцев. Немедленно после завоевания в провинции вводятся непосильные налоги, идущие главным образом на содержание военной и гражданской администрации. Содержание разветвленного государственного аппарата и многочисленные злоупотребления чиновников ложатся тяжким бременем на трудовое население Африки.

Реставраторская, по существу глубоко реакционная политика византийского правительства в Северной Африке, как позднее и в Италии, явилась одной из главных причин широкого народного движения, развернувшегося в африканских областях в 30-х — 40-х годах VI в. под руководством солдата византийской армии Стотзы. В. И. Ленин писал: „И при рабстве и при крепостном праве господство небольшого меньшинства людей над громадным большинством их не может обходиться без принуждения. Вся история полна непрерывных попыток угнетенных классов свергнуть угнетение. История рабства знает на многие десятилетия тянувшиеся войны за освобождение от рабства“.²

Однако эти восстания народных масс жестоко подавлялись господствующим классом. Потерпели поражение и мужественные повстанцы Стотзы. Восстание в Африке было лишь одной из многих неудачных попыток трудящихся сбросить с себя цепи рабства. „Десятки и сотни раз, — говорит И. В. Сталин, — пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цепи рабства оставались нетронутыми, либо старые цепи сменялись новыми, столь же тягостными и унижительными“.³

Однако, несмотря на неудачу этих восстаний, народные движения и вторжения соседних племен расшатывали основы рабовладельческого строя. Народные массы оказывали упорное сопротивление всем попыткам византийского рабовладельческого государства восстановить Римскую империю, укрепить ее разлагающийся базис. Византийское государство принуждено было лавировать и идти даже на некоторые временные

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 147.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 444.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 47.

уступки народным массам, что свидетельствует отнюдь не о его силе, а о его слабости. Кризис рабовладельческой системы был уже столь глубоким, что все усилия рабовладельцев, опиравшихся на сложную государственную машину Восточной Римской империи, не могли спасти разлагающегося рабовладельческого общества, и последняя попытка его реставрации потерпела полную неудачу.

Господствующий класс Восточной Римской империи не в силах был изменить могучего действия объективных экономических законов развития общества и предотвратить гибель рабовладельческой формации. И. В. Сталин в своем труде „Экономические проблемы социализма в СССР“ показал величайшее значение объективных экономических законов в развитии общества, в частности, значение закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.¹ Именно потому, что развившиеся производительные силы рабовладельческого общества пришли в полное несоответствие с существующими производственными отношениями, наступил кризис всей рабовладельческой системы, приведший к обострению классовой борьбы и к революционной смене рабовладельческой формации формацией феодальной. Применяя замечательные теоретические положения товарища Сталина к истории рабовладельческого общества, необходимо подчеркнуть, что закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил уже значительно раньше VI в. „пробивал себе дорогу“ в рабовладельческом обществе и если к этому времени „он еще не пробил себе дорогу и не вышел на простор“, то это потому, что он встречал сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества. Правление Юстиниана является наиболее ярким проявлением этого ожесточенного сопротивления гибнущего класса рабовладельцев. Товарищ И. В. Сталин учит, что для того, чтобы сломить сопротивление отживающих классов, нужна „общественная сила, способная преодолеть это сопротивление“². Такой общественной силой являлись те социальные группы рабовладельческого общества, которые были кровно заинтересованы в свержении рабовладельческого строя. Восстания рабов, колонов, разоренного крестьянства, сливаясь с мощными вторжениями соседних народов, расшатывали основы рабовладельческого строя и привели к его гибели.

¹ См. И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 1—8.

² Там же, стр. 8.